

История философии, 46. Дэвид Юм.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Сегодня днем мы обратимся к третьему из великих английских эмпиристов: Локку, Беркли и теперь Юму. Я сказал «английские эмпиристы». Мне следовало сказать «британские эмпиристы».

Он шотландец. И Юм, как и все остальные, появился всего через 50 лет после Джона Локка. В 1690 году Джон Локк написал эссе о человеческом понимании.

А 1748 год ознаменовался исследованием Юма человеческого разума. Таким образом, менее чем за 50 лет произошли замечательные перемены. От оптимизма Джона Локка, почти рационалистического оптимизма, в отношении возможностей эмпирического знания, к скептицизму Дэвида Юма по этому поводу.

Фактически, до 1748 года, за девять лет до этого, когда ему было всего около 20 лет (как видите, он родился в 1711 году), трактаты были опубликованы в 1739 году. Завершение работы над ними, я думаю, произошло в 1736 году. В таком юном возрасте он закончил трактаты о человеческой природе, которые намного длиннее самого исследования.

Есть такое издание для всех, знаете, эти маленькие компактные синие томики, два тома. Я собирался взять свой с собой, но обнаружил, что один том, который я кому-то одолжил, так и не вернулся. Поэтому я собирался взять однотомное издание, стандартное научное издание, и обнаружил, что одолжил его кому-то, и он так и не вернулся.

Так что, если вы знаете кого-нибудь, у кого есть книга Юма с моим именем на обложке, свяжитесь с этим человеком и верните её. В прошлом году я одолжил её людям, когда проходил семинар, посвященный Юму. Но в любом случае, более ранняя книга, «Договоры», длиннее.

Юм отмечает, что его труды так и не вышли из печати. Поэтому, по-видимому, он написал исследование в гораздо более короткой форме, немного приукрасив его, чтобы обрести литературную славу, к которой, как он сам признается, так стремился. Таким образом, трактаты стали длиннее и содержательнее, и, говоря о Юме, я буду опираться как на трактаты, так и на исследование.

Как мы увидим, в своих исследованиях он опускает ряд тем, в частности, акцент на нашем знании о внешних вещах, но на самом деле он фокусируется на нашем знании причинно-следственных связей. Немного говорится о нашем

знании о Боге, но в трактатах он рассматривает знание причинно-следственных связей, знание пространства, знание времени, знание материи, знание разума, а также гораздо более подробно обсуждает метафизические темы, которые, как мы заметили, важны как у Локка, так и у Беркли. В обеих этих работах, и в трактатах, и в исследовании, его внимание, очевидно, сосредоточено на эпистемологии.

Это главная тема эпохи Просвещения. Обратите внимание на названия работ. Джон Локк, «Очерк о человеческом понимании».

Джордж Беркли, «Принципы естественного знания». Дэвид Юм, «Исследование о человеческом понимании». «Верните себе это обратно», эссе о человеческом понимании.

А Лейбниц в ответ на... Нет, давайте посмотрим, Локк — это эссе. Верно. Юм — это исследование.

В ответ на Локка, вы, возможно, помните, что Лейбниц написал «Новые эссе о человеческом понимании». Таким образом, в этот период основное внимание уделяется именно этому вопросу. Каковы возможности человеческого знания? Каков может быть охват человеческого знания в наш век разума, который, конечно же, является веком научного разума? Иными словами, каков масштаб научного знания? Именно к этому вопросу Юм относится с большим скептицизмом.

В своих договорах он утверждает, что ключ к разрешению философских споров заключается в изучении человеческой природы. Изучение человеческой природы. Вот почему книга называется «Договоры о человеческой природе», — скажет он.

И он добавляет подзаголовок, чтобы показать, что изучает человеческую природу с помощью того, что он называет экспериментальным методом. Слово «экспериментальный» тогда не имело ничего общего с гипотезами и их подтверждением. Оно просто обозначало обращение к опыту.

По его словам, он пытается дать эмпирическое описание человеческой природы в отношении двух вопросов: человеческих убеждений и человеческих действий.

И в свете этих субтитров важно, что он не говорит о человеческом знании. Потому что его основной акцент делается на описании психологии человеческих убеждений и ее связи с человеческой природой и ее влиянием на этику. Иными словами.

Если мы хотим объяснить человеческие убеждения согласно Юму, нам необходимо отказаться от рационалистических объяснений. Мы верим в то, что можно доказать. Мы верим пропорционально объективным эмпирическим данным.

Вспомните эвиденциалистский критерий Джона Локка. От него нужно отказаться и обратиться к трактовке человеческой психологии. Человеческая природа заставляет нас верить.

Существует психологическое объяснение убеждений. И то же самое относится не только к моральным убеждениям, но и к моральным действиям. К моральным действиям нас, опять же, подталкивает не сила рассуждений об этических принципах, а просто психология человеческих чувств.

Моральные чувства, которые побуждают нас к действию. Таким образом, в обоих случаях он предлагает скорее описательную психологию, чем рациональное, логическое доказательство или обоснование на основе доказательств. Его претензия заключается в том, что неясность идей вводит в заблуждение таких людей, как Декарт, Локк, Спиноза и даже Беркли.

Сейчас звучит несколько странно говорить о неясности идей, когда Декарт и Локк подчеркивали ясность и ясность идей. Его мысль проста: идеи не являются ясными и ясными. И в этом смысле он напоминает мне одного моего друга, который говорил, что когда кто-то говорил об идее: «Ну, она мне совершенно ясна», он отвечал: «Извините, я так не считаю».

В конце концов, критерий ясности и отчетливости напрямую зависит от того, как человек воспринимает идею. Он зависит от личности. И Юм не считает идеи, которые Декарт и Локк считают ясными и отчетливыми, таковыми.

Вы заметите, когда мы углубимся в его теорию идей, что Юм, вместо того чтобы говорить о ясности и четкости, говорит о силе и живости. Сила и живость. Обратите внимание, что это аффективные критерии, а не когнитивные.

Речь идёт не столько о ясном мышлении, сколько о сильных чувствах. Вот что становится важным. Именно это он и разъясняет во введении к договорам.

Но в первом разделе исследования он делает нечто очень похожее на это. И если вы читали этот первый раздел, вы, возможно, заметили, я надеюсь, заметили, что он говорил о типах, которые он называет абстрактной и, с другой стороны, практической философией. И в конечном итоге он выступает за сочетание этих двух подходов.

Идеал — это некое сочетание двух подходов. Абстрактная философия — это то, чем занимались Декарт и Джон Локк. Ее ценность заключается в теоретическом рассуждении об идеях, знаниях и так далее, в логической точности.

Этот подход мотивирован интеллектуальным любопытством. Но он не дает оснований для морали, для познания внешнего мира или для естественной теологии. Иными словами, рациональные, рационалистические подходы бессильны в обосновании морали, научного знания внешнего мира и в обосновании веры в Бога рациональными доказательствами.

Заумная философия с подобными логическими требованиями имеет ценность только в математике. Только в математике. Таким образом, с самого начала, во вводной части, он провозглашает, объявляет о своем неприятии духа Просвещения, просвещенческой концепции знания, господства разума.

А говоря о практической философии, в отличие от этого, он говорит о том, что направляет действия. Почему мы Верьте в то, во что верите. И поэтому, говорит он, говоря о сочетании этих двух качеств, будьте философом, но оставайтесь человеком.

Ну, и женщина тоже. Другими словами, философию должна по-настоящему характеризовать человеческая природа, а не искусственные требования разума, понимание человеческой природы. Поэтому, независимо от того, начинаете ли вы с трактатов или с исследования, как это представлено у Кауфмана, начало одно и то же.

Он начинает с того, что, по сути, объявляет о своих намерениях. Отбросим утверждения Декарта и Локка о человеческом разуме и разработаем психологию убеждений. Хорошо, достаточно ли это понятно? Как только вы это поймете, я думаю, вы сможете увидеть, что делает Юм.

К сожалению, слишком часто люди склонны говорить о Юме и, более того, преподавать его так, как будто он написал только первые четыре раздела «Исследования», «Правила разума». И забывая о том, что следует дальше, о пятом разделе, который посвящен тому, что он называет скептическим решением этих сомнений. Он скептически относится к разуму.

Как он разрешает сомнения? Разрабатывая психологию веры, которая показывает, что вера не всегда является добровольной, как говорил Декарт, как говорил Локк. Вы помните их взгляды. Если доказательств недостаточно, воздержитесь от веры.

Воля не должна опережать разум. На это Юм, по сути, отвечает: воля не может опережать разум, но вы можете.

Но вы это делаете. Даже если у вас нет никаких доказательств существования внешнего мира. Обратите внимание, как вы ведёте себя в окружающем мире, как будто он совершенно реален.

Что ж, хорошо. Это моё вступление. Теперь, развитие идей Юма о знании и вере, как и следовало ожидать на фоне Декарта и Локка, должно начинаться с обсуждения теории идей.

И я считаю, что здесь особенно важно обратить внимание на то, в чем он расходится во взглядах с Джоном Локком. Если вы внимательно читали труды Локка, вы заметите эти различия. Более того, различия касаются не только Локка, но и Беркли.

Возьмём, к примеру, Локка. Возьмём, к примеру, Локка. Вы заметите, что он начинает с обсуждения идей.

Просто и сложно. Хорошо. Юм с удовольствием рассуждает об идеях, как простых, так и сложных.

Разница заключается в том, что если Локк считает, что исходным источником для сознания являются простые идеи — ясные и отчетливые простые идеи, — то Юм в качестве исходного источника вводит не идеи, а впечатления. Впечатления. Впечатления — это исходные стимулы, обладающие силой и живостью.

Вот оно, не ясное и отчетливое, но сильное и живое. Сила и живость. Настолько сильная, что ей нет равных.

Настолько живой, что захватывает наше внимание. Мощный и энергичный. Суть его в том, что возникающее эмоциональное, аффективное состояние пробуждает сознание.

И по мере того, как оно угасает, на его место приходит идея. Таким образом, идея — это когнитивное состояние, которое следует за впечатлением и которое предоставляет вам копию этого впечатления. Понятно? Копию впечатления.

Теперь представьте, например, яркую вспышку света, которая вас ослепляет. Первое, что вы ощущаете, — это не четкое и ясное представление о яркой вспышке света. Первое, что вы чувствуете, — это боль, ослепляющая сила этого явления.

И если я вдруг на вас закричу, первоначальный эффект будет физическим, а не таким, как «я вас разбудил?». Это будет скорее физический, чем

концептуальный эффект, совершенно очевидно. Но это наиболее ярко проявляется в тех физических ощущениях, которые связаны с какой-то степенью, например, шока, боли или чего-то еще. Но его мысль заключается в том, что, как мы позже увидим у Уайтхеда, он называет первенством причинной эффективности в восприятии.

Вот только Юм не готов назвать это причинной эффективностью. Но это, если хотите, первенство аффективного, эмоционального, а не когнитивного аспекта в человеческом опыте. Да.

Примат аффективного или эмоционального начала. Что произойдет, если вы едете по шоссе, и вдруг перед вами что-то мелькнет? Видите ли, это не четкая и отчетливая идея. Это рефлекторная реакция, и сердце начинает биться довольно быстро.

Таким образом, он занимается описательной психологией именно в этом смысле. Интересно то, что хотя впечатление оставляет у вас идею, эта идея, когда она приходит в голову, возвращается в память, вспоминая это впечатление, эта запомненная идея также оставляет свой собственный след. И это впечатление оставляет свою идею.

Таким образом, мы имеем дело с этим смешением впечатлений и идей. Первоначальное ощущение, первоначальное чувство, порождает идею, которая является его копией. С этим впечатлением связана, впечатление от которого выражается желание, неприязнь и тому подобное.

Вам не понравилась эта эмоциональная реакция. Воспоминания, или, если хотите, воображение, тоже оставляют след. Поэтому у вас возникает целая цепочка впечатлений.

А слово «ощущение», которое сейчас ассоциируется скорее с первоначальным впечатлением, чем с идеей, — это, да, то, что вы подразумеваете под ощущением в обыденной речи. Когда кто-то вас щекочет, и вы говорите: «Эй, это довольно приятное ощущение». Таким образом, акцент делается на физическом, эмоциональном, а не на когнитивном аспекте.

Это одно из главных отличий от Джона Локка. И Юм использует слово «восприятие» для обозначения всего этого. Восприятие.

Восприятия — это не ясные и четкие идеи. Восприятия — это всего лишь состояния сознания. Состояния сознания, которые начинаются с впечатлений и включают в себя идеи.

Второе отступление от Локка не столь радикально, но, на мой взгляд, это шаг вперед по сравнению с Локком. Он говорит об ассоциации идей. В конце концов, если мы объединяем простые идеи в сложные, как это происходит, то он заинтересуется психологическим процессом, посредством которого это происходит.

Как мы получаем представления о субстанциях? Представления об отношениях? Представления о способах бытия? В зависимости от обстоятельств, в зависимости от необходимости. И он видит, что используются три принципа ассоциации. Я бы сказал, что на этом этапе истории, в начале XVIII века, ассоциационистская психология развивалась довольно стремительно.

Таким образом, то, что делает Юм, соответствует ассоциационистской психологии, которая пытается найти принципы, которым подчиняются ассоциации. Три принципа ассоциации, которые выводит Юм, — это сходство, смежность, причина и следствие. Получается, что мы, по-видимому, объединяем идеи, связываем идеи в более сложные, когда повторяющиеся впечатления и идеи похожи.

Мы их комбинируем. И именно таким образом у меня складывается представление о конкретном веществе. Как я узнаю, что это один из так называемых беспыльных сухих маркеров? Ну, мои впечатления складываются из его внешнего вида и отталкивающего запаха.

Мне пришлось добавить слово «отвратительный», чтобы получить подходящий термин. Отвратительный запах, понимаете, повторяется. Повторяется одно и то же.

То, что я помню с прошлого раза, я снова получил. И это сходство развивает идею о субстанции с сохраняющейся идентичностью. Получается, что формируется ментальная привычка думать об этом маркере.

Таким образом. Идея сущности. Смежность, аналогично.

Если объекты расположены рядом друг с другом, мы склонны их ассоциировать. Пространственно смежные. Хронологически смежные.

Таким образом, мы получаем представления о пространственных и временных отношениях. Следовательно, о местоположении в пространстве и местоположении во времени. Обратите внимание, это конкретные места.

Точно так же, как маркер — это конкретное вещество. Потому что сложные идеи, которые я получаю, — это не идеи каких-то абстрактных универсалий. Это идеи частных.

Не абстрактные общие идеи, а идеи частных случаев. И если у меня возникают идеи маркеров в целом, общие идеи, то опять же, это происходит из-за сходства. Теперь, когда он переходит к взаимосвязи причины и следствия, принцип причины и следствия — это принцип ассоциации, то есть именно здесь возникает трудность.

В этом и заключается проблема, на которую он указывает в четвертом разделе исследования. Оказывается, при попытке эмпирически описать то, что мы называем причинно-следственными связями, мы можем наблюдать лишь постоянные совпадения, однородные ассоциации. Но мы никогда не наблюдаем никакой силы, которая действует, причинной мощности, того, что он называет причинными связями.

Таким образом, единообразие природы является эмпирическим обобщением. Но то, что А обязательно вызывает В, является необходимой причиной, неизвестно эмпирически. Поэтому из этих трех принципов ассоциации, хотя все они работают, выводы из третьего принципа о любых необходимых связях недействительны .

Хотя психологически мы к этому приходим. И это станет ключом к пониманию того, как мы приходим к определенным убеждениям, таким как вера в материальные объекты, внешние объекты, вера в Бога и так далее. Потому что мы начинаем верить в причинно-следственные связи, для которых нет эмпирических доказательств, да и априорных знаний тоже нет .

Поэтому имейте это в виду, а именно — ассоциацию идей. Это и приводит его к следующему шагу. Третье место в отношении Локка, что приводит его к тому, что он делает еще один шаг вперед и формулирует то, что впоследствии стало известно как эмпирический критерий значения. Эмпирический критерий значения.

Сейчас он говорит не о критерии истины. И не об обоснованном убеждении. Он говорит просто о языке, о том, что означают слова, понимаете.

И если мы говорим о фактическом значении, об отсылке к чему-то , об отсылке к чему-то конкретному, о названии чего-то, об описании чего-то, то критерием значения для эмпириста будет то, что язык должен отсылать к каким-то оригинальным, нет, не оригинальным идеям эмпирического характера, а оригинальным впечатлениям эмпирического характера. Так что посмотрите на страницу 100, нет, вернёмся назад, 291 у Кауфмана. 291, которая находится в самом конце раздела 2 «Исследования».

Последние несколько предложений, по сути, относятся ко второму разделу расследования. И обратите внимание на то, что он говорит. Последние три предложения.

Все впечатления, то есть все ощущения, как внешние, так и внутренние. Внешние ощущения, внутренние ощущения. Он говорит о внешнем и внутреннем чувстве.

Все впечатления, все ощущения. Внутренние или внешние. Сильные и яркие.

Границы между ними определены более точно. Также нелегко впасть в какую-либо ошибку в их понимании. Поэтому, когда у нас возникает подозрение, что философский термин используется без смысла или идеи, что случается слишком часто, нам достаточно выяснить, из какого впечатления вытекает эта предполагаемая идея.

И если невозможно определить какое-либо впечатление, это лишь подтвердит наши подозрения. Пролит такой ясный свет на идеи, мы можем с полным основанием надеяться устранить все споры, которые могут возникнуть относительно их природы и реальности. Имеют ли ваши идеи какое-либо основание? Основаны ли они на опыте или нет? Итак, вы пытаетесь взять сложную идею, проанализировать её, разложив на простые идеи, и задаться вопросом, из каких первоначальных впечатлений эти простые идеи происходят.

И это главный критерий. Именно этот эмпирический критерий смысла он использует с такой эффективностью. Когда он говорит об идее необходимой связи, изначального представления о необходимой связи нет, поэтому сама идея не имеет смысла.

Когда он говорит о чуде, он подразумевает, что идея чуда не связана ни с каким первоначальным впечатлением, а следовательно, её невозможно установить. Идея чего-либо абстрактного, абстрактные идеи, реальные универсалии — всё в той же ситуации. Это, как выясняется, относится даже к понятию разума как субстанции, как сущности.

Помните, речь идет о душе, мы немного говорили об этом в прошлый раз. Потому что он рассматривает это так: у нас есть впечатления о наших собственных психических состояниях, о наших желаниях, надеждах и чувствах, но где же впечатление о субстанции разума, субстанции души? Она не оставляет никаких впечатлений. Поэтому нет никакой эмпирической точки отсчета, которая была бы необходима для таких рассуждений.

Вы можете спросить: «Почему Беркли этого не заметил?» Или Локк? А Декарт, если это имеет значение? Декарт же начал с того, что сказал: нет, у нас нет

прямого, ясного и четкого представления о разуме, но у нас есть представление. Представление. Представление о том, что он существует.

Так что, когда Декарт излагает свою концепцию «я мыслю, следовательно, я существую», идею мышления, он имеет в виду это непрерывное «я», которое является действующим лицом, мыслящим, и я как бы ловлю себя на месте преступления, когда говорю: «Я мыслю, я существую, я — это я». И Локк и Беркли следуют этой линии мысли, но не Юм. Не Юм.

Что такое «Я»? Если это не субстанция, то что же это эмпирически? И это приводит нас к вопросу о личной идентичности, и в «Трактате» у него есть глава, посвященная понятию субстанции разума. У него есть и другая глава, посвященная концепции личной идентичности. И если у нас нет оснований для утверждения существования субстанции разума, то необходимо рассмотреть вопрос о личной идентичности.

Что мы знаем о личной идентичности? И он говорит, что всё, что мы знаем о личной идентичности, почерпнуто из памяти. Знаете, поищите себя. Если вы ищете эмпирическое основание для разговора о «я», то что такое «я»? Что для вас значит «я» в эмпирическом плане? Теперь, очевидно, это не тело как таковое.

Потому что ты остаешься собой, даже если подстригаешь ногти на руках и ногах и ходишь подстричься. Потеря такой значительной части мышечной массы тебя не затрагивает. И теперь мы знаем, что ты можешь жить без трансплантаций, даже без трансплантации сердца.

И люди пишут философскую научную фантастику о том, стали бы вы собой, если бы вам пересадили мозг. Понимаете? Да, вокруг этой темы создано множество увлекательных литературных произведений. Но с точки зрения юмора тело не имеет значения, потому что тело — это и есть я, а не я. И вы чувствуете, что если вы видите себя на фотографии, вы видите себя и на видео.

Это не то «я», которое я знаю. Я могу это объективировать. Нет, то «я», которое я знаю, — это внутреннее «я», которое я познаю посредством того, что они называют рефлексией.

Видите? В тот момент «я» отвечало за мышление. В другой раз — за чувства. В другой раз — за речь.

То «я», которое я ощущал внутри себя. Понимаете? Таким образом, личная идентичность Юма на самом деле состоит в этом целом потоке, цепочке идей и впечатлений. Ощущениях и размышлениях, которые в моей памяти я

прослеживаю до самых сложных потоков идей и впечатлений, которые были моими собственными.

Понимаете ? В конечном счете, он говорит, что личность подобна театру, в котором идеи появляются и исчезают. Одна за другой, мимолетные, как они приходят и уходят. Вот и все, что составляет идентичность.

Затем он добавляет еще одно уточнение. Не поймите меня неправильно. «Я» — это поток идей, а не сцена, на которой они стоят.

Дело не в строительстве театра, а лишь в видимости. Поэтому, когда речь заходит о природе личности, он явно лишь феноменалист, а не реалист. Просто феноменалист.

Мы можем говорить только о том, как проявляется «я», а не о том, что оно собой представляет. Думаю, что то, что он развивает в самом конце второй книги «Трактата», является, пожалуй, одним из самых ярких примеров того, как работает этот эмпирический критерий значения. На что еще мы можем сослаться эмпирически, говоря о «я» ? Как вы, вероятно, знаете, именно этот эмпирический критерий значения был принят и обновлен логическими эмпиристами XX века.

И мы снова столкнемся с этим, когда доберемся до Эй-Джея Эйера и его книги «Язык, истина и логика», которую мы будем читать где-то весной. Ах, если бы я был у Эйера, когда наступит апрель! Как раз в это время некоторые из нас скажут: « Ах , если бы я был в Англии сейчас, когда наступил апрель, то лучше бы я был у Эй-Джея Эйера».

И он, в конце концов, англичанин. Хорошо, есть ли какие-нибудь комментарии по поводу Локка и того, как он, беру свои слова обратно, идет дальше Юма и выходит за рамки Локка? Хорошо. Хорошо, теперь, продолжая его теорию идей, как он соотносится с Беркли? Как он соотносится с Беркли? Ну, я думаю, первое наблюдение очевидно: он согласен с номинализмом Беркли.

Он согласен с номинализмом Беркли. Это же очевидно, не правда ли? Что если мы будем строгими эмпиристами, списывая всё на впечатления, то эмпирических впечатлений от абстрактных сущностей или абстрактных идей не существует. Все наши идеи — это впечатления о конкретных качествах , которые мы видим или чувствуем.

Слова становятся общими названиями только в результате обычая, при котором их используют без разбора для обозначения схожих частных случаев. Мы связываем частные случаи на основании их общих черт и используем одно

слово для обозначения всех из них. Но мы никогда не абстрагируем понятие универсальной сущности.

Таким образом, в этом отношении он согласен с Беркли. И это отношение Юма к абстрактным идеям проявляется в его рассуждениях о пространстве и времени, которые содержатся во второй части трактата. В самом исследовании этого нет.

Он утверждает, что у нас нет эмпирического представления, потому что нет окончательного впечатления о бесконечном пространстве или бесконечном времени. И когда люди, подобные некоторым досократикам, рассуждают о бесконечной делимости частиц материи и так далее, то, если у нас нет понятия бесконечности, мы не можем мыслить ясно о бесконечной делимости. Таким образом, эти понятия, связанные с традиционными рассуждениями, отпадают.

Всё, о чём мы можем думать, — это конечные пространственные и временные отношения, и ничего больше. Нет абстрактного представления о пространстве, нет абстрактного представления о времени, нет абстрактного представления о субстанции. Только сложные представления о конкретных субстанциях представляют собой совокупность простых идей.

Вот и всё. Никакого представления о существовании, только отдельные вещи, которые, как мы говорим, существуют. Но у вас нет представления о существовании, нет никаких ощущений существования.

Вы получаете впечатления, обладающие собственными качествами. Существование — это не качество идеи. И это будет иметь важное значение, когда мы дойдем до Иммануила Канта, и он говорит об онтологическом аргументе, понимаете, об идее совершенного существа, которое должно обязательно существовать.

Если существование не является понятием, то его нельзя предикатировать ни от чего. Это не собственный предикат, как говорит Кант. Следовательно, в онтологическом доказательстве здесь нет никакого доказательства.

Итак, после ознакомления с модифицированной теорией идей Юма, становится довольно ясно, к чему он стремится. И мне кажется, что всё остальное — это просто зачистка. По крайней мере, то, что он делает в отношении знания, веры, метафизических и теологических тем.

Обратите внимание, что его основной вопрос не в том, можете ли вы доказать то-то и то-то, а в том, о чём именно в опыте идёт речь? Основной вопрос касается осмысленности, эмпирического значения, а не истины. Если, конечно, вы не знаете, о чём идёт речь в эмпирическом плане. Как проверить истинность утверждения? Ну, задайте вопрос, прокомментируйте его.

Да. Мне кажется, что эмпирический критерий значения естественным образом приводит к номинализму для эмпириста, потому что тогда у вас не может быть идеи, что слова на самом деле являются идеями. Вы поняли? Вы слышали этот вопрос, Джон? Кажется, эмпирический критерий значения естественным образом, я думаю, вы имеете в виду логически, приводит к номинализму.

Да, если вы придерживаетесь эмпирического подхода. Да, я думаю, вы совершенно правы. Мой вопрос тогда, собственно, заключается в следующем: когда возникла идея о том, что слова — это идеи? Разве она не появилась до того, как Витгенштейн бросил ей вызов? Когда же пришло к выводу, что слова — это идеи? Или что они представляют собой нечто иное?

Да, он представляет собой нечто иное. Ну, я думаю, Витгенштейн тоже номиналист. В том смысле, что он отвергает абстрактные идеи.

Джон Локк, конечно же, эмпирист, а не номиналист. И, возможно, ваш вопрос заключается в том, существуют ли другие эмпиристы, помимо Локка, нет, существуют ли другие эмпиристы, которые не являются номиналистами. Понимаете? Возможно, вы имеете в виду следующее.

Ошибался ли Локк относительно логической совместимости эмпиризма и концептуализма? Всегда ли эмпирист должен быть номиналистом? Из этого обязательно следует? Ну да, я думаю, что из эмпирического критерия значения следует именно это. Мне интересно, когда этот эмпирический критерий значения был окончательно оспорен, чтобы открыть больше логических оснований для эмпиризма? Ну, он был оспорен в 40-х, или отчасти в 50-х, но в 60-х. А к 60-м он уже практически устарел, к 1960-м годам.

Однако критика исходила не столько с точки зрения концептуалистов. В отличие от тех, кто утверждал, что эмпирист, использующий эмпирический критерий значения, недостаточно эмпиричен в отношении многообразия языка. И в этом, в некотором смысле, заключалась суть аргументации Витгенштейна.

Он бы сказал, что язык играет не только в игру наименования, указания, обозначения и отсылки. И это подразумевает признание того, что язык состоит не только из отдельных слов. И не включает в себя синтаксические структуры.

Но язык — это социальная функция. Культурная деятельность. Средство, с помощью которого в рамках культуры мы делаем самые разные вещи.

В языковой культуре, видите ли, происходит чрезмерное упрощение. Поэтому я считаю, что эта критика уместна.

Была и другая линия критики, которая, на мой взгляд, также весьма уместна. Логические позитивисты сформулировали критерий следующим образом: любое фактическое утверждение, чтобы иметь эмпирический смысл, должно, в принципе, быть, по крайней мере, эмпирически проверяемым. Теперь вопрос: является ли это фактическим утверждением? Если да, то является ли оно эмпирически проверяемым? Очевидно, что это не фактическое утверждение, которое можно эмпирически проверить.

Таким образом, позитивистам пришлось отступить и сказать: нет, это методологическое условие с нашей стороны. И, заявив это, они фактически изменили свою позицию и сказали: мы будем действовать так, как будто эмпирическая отсылка — единственный вид смысла. Нет, я думаю, позиция Локка оправдана, если мы признаем, что носителями абстрактных идей являются не ментальные образы.

Локк, судя по его представлению о ясном и отчетливом понятии, считает, что в нашем сознании хранятся мысленные образы чего-либо. Образ синева вашей рубашки или что-то подобное. Нет, когда речь идет об абстрактном мышлении, мы не представляем себе конкретные качества.

Мы мыслим вербально. И именно слова являются средством неэмпирического мышления. Мышления в абстракции от...

Итак, если использовать эту фразу, то одна из игр, в которую играет язык, — это абстрактное мышление. Это наиболее заметно в работе математики. Или, например, словаря.

Хотя, я думаю, такой вид абстрактного мышления, когда утверждения являются не фактическими, а аналитическими, не единственный. Я считаю, что поэзия — это еще один вид абстрактного мышления, где слова поэта вызывают в воображении целые общие идеи, не изображая частных.

Иногда символическое значение приобретает посредством изображения чего-либо, а иногда — просто самим словом. Символизм. Что ж, это, безусловно, важный вопрос.

Когда этот вопрос возник в XX веке (мы поговорим об этом позже), два важнейших вопроса заключались в том, как это повлияет на моральный язык и как это повлияет на религиозный язык. И это были два ключевых вопроса в 1950-х годах. Хорошо.

Тогда обратимся к следующему этапу развития, связанному со знанием и убеждениями. И здесь давайте просто напомним себе, что знание состоит из

утверждений. Утверждений, которые подтверждают нечто о взаимосвязи между идеями.

У предложения есть подлежащее и сказуемое. Оно включает в себя как минимум эти два термина, две идеи. Таким образом, существует два вида предложений, говорит Юм.

С тех пор стали известны два типа: аналитические и синтетические. Аналитические утверждения касаются исключительно логической связи идей. Логические связи идей.

Таким образом, если подобные утверждения истинны, они называются логическими истинами. Логическими истинами. Синтетические же утверждения касаются фактических обстоятельств.

Таким образом, если эти утверждения верны, их называют фактическими истинами. Логические связи идей касаются исключительно самих идей, а не того, что они представляют. Например, если мы скажем, что холостяк — это неженатый мужчина.

Мы говорим о слове «холостяк» и его значении — неженатый мужчина. Мы говорим о языке. И значение этих терминов таково, что они логически эквивалентны.

Таким образом, вы просто анализируете логическую связь между этими двумя терминами. То же самое верно для любого определения. И самый очевидный пример — математика.

Выражение «3 плюс 5 равно 8» говорит о логической связи между числами 3, 5 и 8. Таким образом, здесь мы говорим просто об используемом языке. Или, если хотите, об идеях. Мы не претендуем на обсуждение чего-либо, кроме впечатлений.

Мы не собираемся обсуждать что-либо внешнее. Независимо от того, остались ли в этой комнате холостяки или нет, факт остается фактом: все холостяки — неженатые мужчины. С другой стороны, конечно, если вы скажете: «Ну, холостяки несчастны», это будет утверждением, соответствующим действительности.

Юм уделяет очень, очень мало времени отношениям идей. Это наиболее очевидно в математике. И он не хочет говорить об этом ничего, кроме того, что именно в этом заключается ценность сложной философии, сложных рассуждений.

А для тех из нас, кто не занимается математикой, это хорошая умственная тренировка и упражнение для ног. Но его интересуют констатированные факты, когда логически возможно обратное. Логически невозможно иметь холостого, но женатого человека.

Логически возможно иметь холостяка, который не несчастен. Следовательно, противоположность утверждения, сделанного без объяснений, логически возможна. Однако такие утверждения опровергаемы.

Итак, главный вопрос, и именно здесь вступает в игру эмпирический критерий смысла, в наибольшей степени связан со знанием фактических обстоятельств. И именно это он собирается подвергнуть сомнению. Его аргументация по этому вопросу развивается в четвертом, важнейшем разделе исследования.

Четвертый, решающий раздел. И я вижу, что часы идут медленно. Время вышло, так что не стоит на это надеяться.

Но к этому важному разделу мы вернемся в следующий раз.